

В. П.
СВЕНЦИЦКИЙ

Сочинения

Валентин Свенцицкий
Религия «здравого смысла»

«Public Domain»

1907

Свенцицкий В. П.

Религия «здравого смысла» / В. П. Свенцицкий — «Public Domain», 1907

«...Первый естественный вопрос всякого религиозного сознания есть вопрос о происхождении мира. Он не может считаться праздным любопытством теоретической мысли; ведь коль скоро существуют научные теории, объясняющие происхождение мира механическим путём, и значит, перед человечеством уже поставлена эта проблема, то всякая разумная религия, не принимающая механической теории, должна ответить, как разумно и религиозно решается ею эта проблема...»

Валентин Павлович Свенцицкий

Религия «здорового смысла»

(Из лекций о Льве Толстом и Вл. Соловьёве)

Замечательный русский мыслитель, к сожалению, мало известный широкой публике, покойный Козлов определяет религию как «синтетическое единство деятельности человеческого духа».

Можно спорить, конечно, в какой степени в этот синтез должны входить те или иные отдельные начала духовной сущности человека. Одни могут утверждать преобладание разума, другие – непосредственные чувства, одни – стремления альтруистические, другие – эгоистические, одни – мистику, другие – эстетику или мораль. Но всякая попытка построить религию на чём-либо одном, отдельном, оторванном от этого «синтетического единства духа», неминуемо приводит к уродливым результатам.

Классический пример такой попытки представляет из себя религия *здорового смысла* Льва Толстого. Вникнуть во все противоречия, в которых роковым образом запутывается Толстой в своей *разумной религии*, – это значит раз навсегда отказаться от мысли низводить религию на степень одного из множества *отвлечённых* начал.

Всякая *разумная* религия должна прежде всего разъяснить центральные вопросы, возникавшие перед человеческим *сознанием*.

Отсутствие ответов для разумной религии является не пробелом, а неразумностью, и потому критика Толстого должна быть начата именно с указания, чего нет в его учении и без чего разум человеческий не может быть удовлетворён.

Первый естественный вопрос всякого религиозного сознания есть вопрос о происхождении мира. Он не может считаться праздным любопытством теоретической мысли; ведь коль скоро существуют научные теории, объясняющие происхождение мира механическим путём, и значит, перед человечеством уже поставлена эта проблема, то всякая разумная религия, не принимающая механической теории, должна ответить, как разумно и религиозно решается ею эта проблема. У Толстого мы не находим даже намёка на какое бы то ни было решение этого вопроса.

Второй вопрос ещё более трудный и ещё более необходимый, также теряющийся в глубине вечности, – вопрос о происхождении зла. Как бы Толстой к злу ни относился, как бы ни пытался стереть границу между добром и злом, как бы отрицательно ни определял понятие зла, он должен признать, и действительно признаёт, что есть какая-то сущность реальная и действенная, которая не есть Божество и как-то ему противоположна. Спрашивается, каково её происхождение, как она явилась в мир, есть ли она создание Божие или существует сама по себе, и если существует сама по себе, то каково её взаимоотношение с Божественным началом? Тут вопрос не в словах, не в том, чтобы называть зло злом или каким-либо другим словом. Тут вопрос в признании двух противоположных начал и в необходимости разобраться в их взаимоотношении. Проблема о происхождении зла, решение которой совершенно необходимо для разумности религиозного построения, просто *игнорируется Толстым*. Это особенно непонятно в учении, которое в основу своей морали кладёт заповедь о непротивлении *злу*.

Далее. Вопросы о происхождении мира и происхождении зла могут казаться, так сказать, отвлечёнными вопросами, но есть вопросы, вытекающие из «эмпирии», не менее неотразимые и столь же трудные для религиозного сознания. Это вопрос об отношениях материи и Божества. Толстой с лёгким сердцем говорит о том, что смерть есть переход от низшего отношения к жизни к высшему, что Божественное начало в душе человеческой со смертью сливается со

своим первоисточником, а «естественного» человека закапывают в землю. Спрашивается, что же такое, с религиозной точки зрения, закапывается в землю? Существует ли материя помимо Божества, и каков вообще её религиозный смысл? Ни на один из этих вопросов даже не пытаются ответить *разумная* религия Толстого. Наконец, может быть самый кардинальный религиозный вопрос, самый больной потому, что он стоит не только перед религиозным *сознанием*, но и перед религиозной *совестью*, – это вопрос о смысле страданий. Что даёт «разумное» учение Толстого для решения этого самого проклятого из проклятых вопросов? Правда, у Толстого есть какие-то попытки утилитарно, здравомысляще решить все затруднения, связанные с выяснением смысла страданий, но все они так или иначе касаются страданий хотя бы с внешней стороны разумных и всегда имеют в виду смысл страдания, так сказать, в повседневной надобности, но не с точки зрения принципиальной. А перед религиозным сознанием и религиозной совестью он стоит не в своей повседневной, почти пошлой постановке, а в своём грандиозном мировом значении. Религиозная трудность вопроса не в подыскивании утилитарного смысла отдельных *случаев*, а в раскрытии подлинного религиозного смысла страданий *вообще*, в их нелепых, заведомо неразумных, явно неприемлемых ни совестью, ни рассудком проявлениях. Надо удивляться, как после Достоевского, показавшего миру вопрос о страдании во весь его гигантский рост, ещё могут появляться мыслители, религиозные мыслители, с полной беззаботностью проходящие мимо этой бездонной пропасти, не осмыслив, не пережив её до конца. Бессмертные страницы «Братьев Карамазовых», в которых огненными буквами вписаны мучительные вопросы о смысле детских слёз, страницы, на которых Достоевский буквально кровью своею записал страшные слова Ивана Карамазова, не принимающего гармонии (того, что Толстой назвал бы благом), если оно, это благо, покоится на затравленных псами детях, – эти бессмертные страницы, говорю я, произносят Толстому смертный приговор. Не может, не смеет учение называться разумным, если оно не может осмыслить невинных детских слёз.

Человек, принявший толстовское учение, беспомощно должен остановиться перед всеми этими неизбежными вопросами сознания. Какой жалкой и ненужной покажется ему эта религиозная разумность, коль скоро она не в силах дать ответ на все наиболее центральные религиозные вопросы! Может ли посягать толстовское христианство на какую-нибудь историческую роль в будущем, если оно даже и не пытается утолить ту жажду, которая росла в человечестве более тысячи лет? Не только о будущем не может мечтать такое христианство, но и прошлое его должно вызвать сплошное недоумение. Каким образом учение, не воспринявшее в себя ни одного из кардинальных запросов человеческого духа (если христианство первых веков было таким, как его представляет Толстой), могло покорить мир?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.